
Л. Е. КАНДАЛИНЦЕВА

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ И ВЫБОРА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМЕ

(Ж. П. Сартр, А. Камю)

Свой анализ начнем с Сартра. Сартр – крупнейший французский философ и писатель – оставил глубокий след в истории XX века. Он родился в 1905 году и умер в 1980 году. Через четыре года во Франции будут отмечать 100-летие со дня рождения Сартра. Уже появляются монографии и статьи, в которых освещается философская, литературная и общественная деятельность французского интеллектуала¹. Почему же проявляется такой пристальный интерес к Сартру? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить, что французский философ вел разностороннюю деятельность. Он писал выдающиеся философские труды, но не менее выдающимися были его художественные произведения. Одновременно он вел большую общественную работу, выступал за социальную справедливость, за мир во всем мире. И проблемы, которые ставил и решал Сартр, не потеряли своей актуальности в наше время. Из этих проблем мы возьмем только проблему свободы и выбора, которой так много внимания уделял французский мыслитель.

Сартр не занимался абстрактным анализом свободы. Он свободу рассматривал в контексте социальной действительности, которую резко критиковал и считал абсурдной. Человек, по мнению Сартра, свободен, его действия ничем не детерминируются. Он сам себя создает. «Мы, – пишет

---

¹ См., например: В. Н. Lévy *Le siècle de Sartre*. Paris, 2000. Galster I. *Sartre et la «question juive»*. R. Commentaire. 2000. № 89; Amadou J. *Sartre...Le retour*.

Сартр, – обречены быть свободными, и наша свобода, возможно, является единственным, от чего мы не в состоянии отказаться»². Свобода – это способ бытия сознания, поэтому сознание должно быть сознанием свободы. Поскольку сознанием одарен каждый человек, постольку свобода представляет собой универсальное онтологическое свойство человеческого существования. Поэтому, по глубокому убеждению Сартра, человек не может быть одновременно свободным и несвободным – он может быть либо свободным, либо несвободным.

Поскольку свобода есть онтологическая характеристика человека, она предшествует его сущности. «Свобода человека предшествует его сущности, она есть условие, благодаря которому последняя становится возможной, сущность бытия человека подвешена в его свободе. Итак, то, что мы называем свободой, неотлично от бытия «человеческой реальности». О человеке нельзя сказать, что он сначала есть, а затем – он свободен; между бытием человека и его «свободобытием» нет разницы»³. Свобода абсолютна и безусловна.

Следует подчеркнуть, что Сартр проводит демаркационную линию между обыденным и экзистенциалистским пониманием свободы. Обыденное представление о свободе предполагает ее связь с практической реализацией цели, а экзистенциалистское понимание имеет в виду свободу выбора, индетерминированность человеческой свободы. Знающий свою свободу человек постоянно неудовлетворен своим положением и стремится к тому, чтобы преодолеть встречающие на его пути трудности.

По утверждению Сартра, в основе человеческих действий лежит «первоначальный проект». Это своего рода решение человека, связанное с описанием его собственной истории жизни. Проект – это вместе с тем и выбор. Выбор идентичен свободе человека, и во всех последующих актах выбора будет воспроизводиться то, каким он впервые был

---

² Sartre J.-P. L'Être et le néant. Paris, 1948. P. 518.

³ Ibid. P. 22.

осуществлен. Внутренняя убежденность человека является, если можно так выразиться, единственным критерием правомерности того или иного выбора.

Сартр понимает, что выбор может иметь произвольный характер. Поэтому он говорит о правильном выборе. И все же в целом Сартр придерживается индетерминистской концепции свободы. Но, как пишет И. А. Гобозов, нельзя согласиться с «утверждением о том, что поступки человека ничем не детерминированы и что в этом смысле человек всегда свободен. Но возможность выбора в любой ситуации вовсе не означает индетерминированность человеческих поступков. Оказавшись в тюрьме, человек выбирает ту или иную модель поведения в зависимости от тюремных порядков. Да и во всей своей повседневной жизни он вынужден считаться с обстоятельствами, с общепринятыми принципами и нормами жизни. Одно дело загорать на пляже, а другое дело слушать оперную музыку в оперном театре или читать лекции студентам»⁴.

Надо отдать должное Сартру. В «Критике диалектического разума» он вносит коррективы в свою теорию свободы. Он анализирует теперь те аспекты свободы, на которые не обращал практически никакого внимания в своих прежних работах. Он отвергает понятие абсолютной свободы, свободы-фетиша как «первоначала без связи с миром»⁵. Теперь французский мыслитель акцентирует внимание на свободе действия, а не только на свободе духа, на свободе борьбы, а не только на свободе выбора. В этой связи Сартр исследует проблему праксиса. Поскольку практика рассматривается им как «реальная человечность человека», постольку средством осуществления свободы становится практическая деятельность.

Но практическая деятельность, как известно, немыслима без учета обстоятельств, при которых она осуществляется. Сартр понимает, что «праксис», взятый только на уровне «двойного измерения», то есть непосредственных

---

⁴ Гобозов И. А. Введение в философию истории. М., 1999. С. 174.

⁵ Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique. Tome 1. Théorie des ensembles pratiques. Paris, 1960. P. 95.

отношений между субъектом и предметом или между субъектами, есть пустая абстракция. Поэтому он пытается найти опосредствующие звенья в категориях, разработанных Марксом: способ производства и производственные отношения. Ведь не случайно Сартр заявляет, что он признает фундаментальный тезис Маркса: способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Правда, заметим, что школьный друг Сартра Р. Арон выражает глубокое сомнение в искренности Сартра. «С одной стороны, – пишет он, – Сартр выражает безусловную преданность марксизму, но марксизму, обедненному содержанием, а с другой стороны, снова возвращает в историю событие и индивида...»⁶

Поскольку мы коснулись Арона, нельзя не отметить, что Арон подвергает острой критике экзистенциалистские воззрения Сартра. В частности, Арон пишет, что Сартр понятие праксиса редуцирует к индивидуальной деятельности человека. «Индивидуальный праксис, как и сознание, есть замысел, сохранение прошлого и устремленность в просвечивающее будущее, глобальное видение ситуации и цели. История была бы полностью диалектической, то есть вполне понятной, если бы она сливалась с историей отдельного индивида – интеллигибельной, так как она конституируется человеческими действиями, каждое из которых понятно как индивидуальный праксис, или просвечивающее сознание»⁷.

Но вернемся к Сартру. Как уже отмечалось, в поздних работах французский экзистенциалист начал признавать социальную обусловленность свободы человека. Поэтому он обратился к проблеме необходимости. Но интерпретирует необходимость по-своему. Сартр утверждает, что необходимость противоположна свободе. Она мешает свободной деятельности человека, сковывает его инициативу и не дает возможности проявить свои духовные и физические потенции. И тем не менее, признает он, необходимость свя-

---

⁶ Арон Р. Мнимый марксизм. М., 1993. С. 163

⁷ Там же. С. 173.

зана со свободой. Но интересно, что в этой связи Сартр сам же критикует идею «чистой свободной деятельности». Он отмечает, что в социальной действительности люди осуществляют не только свободный творческий «праксис», но и инертную, механически исполняемую деятельность, которая вовсе не есть свободная деятельность. Свобода завоевывается путем преодоления необходимости. Сартр полагает, что человек перестает быть свободным, когда его творчество перестает иметь творческий характер. Если в условиях праксиса, то есть индивидуальной творческой деятельности, человек чувствует свою свободу и действует активно, то в условиях инертной практики человек воспринимает свою деятельность как нечто чуждое ему.

Сартр истолковывает соотношение свободы и необходимости однозначно. Он считает, что либо свобода преодолевает необходимость, либо необходимость порабощает свободу. Но подобная трактовка свободы и необходимости схематична. Нет свободы без необходимости и необходимости без свободы. «Свобода, не имеющая в себе никакой необходимости, и одна лишь голая необходимость без свободы суть абстрактные и, следовательно, неистинные определения. Свобода существенно конкретна, вечным образом определена в себе и, следовательно, вместе с тем необходима»⁸. Кроме того, как известно, свобода есть познанная необходимость. Если необходимость познана, то она играет исключительно важную роль в свободной деятельности индивида.

Сартр важное место отводит проблемам отчуждения. Он считает, что в сфере материального производства проявляется основная причина отчуждения человека от своей сущности и от других людей. Марксизм, пишет французский мыслитель, отчуждение связывает с эксплуатацией человека человеком. Сартр этого не отрицает, но считает, что с эксплуатацией связана лишь определенная форма отчуждения. По его мнению, есть еще главное отчуждение,

---

⁸ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 143.

которое представляет собой результат внутреннего отношения, связывающего человека с его окружающей средой. Сущность этого отношения Сартр видит в том, что человек вынужден объективировать свою деятельность в «инертных вещах» и узнавать себя в инертности, то есть в том, что он им уже не является, но является другим, чем он. «Инертные результаты» деятельности отличны от живого, подвижного, текучего, динамического и творческого характера самой деятельности.

Сартр ставит вопрос: возвращается ли он к гегелевскому пониманию отчуждения? И сам же отвечает: и да, и нет. Гегель под отчуждением понимал опредмечивание. Да, потому что надо признать, что «первоначальное отношение праксиса как тотализации к материальности как пассивности обязывает человека опредмечивать себя в среде, которая не является его собственной средой, и видеть в неорганической целостности свою объективную реальность»⁹. Нет, потому что человек есть не что иное, как тотализующее движение, которое заканчивается этим опредмечиванием.

Сартровская концепция отчуждения представляет собой разновидность гегелевского понимания отчуждения. Всякое опредмечивание для Гегеля означает отчуждение духа, самосознания, ибо дух в гегелевской философии также не в состоянии себя выразить без опредмечивания. Поэтому и для Гегеля в этом смысле опредмечивание есть не только отчуждение духа, но и его самовыражение. Но у Гегеля, как пишет Маркс, «человек рассматривается как непредметное, спиритуалистическое существо»¹⁰, как самосознание, тогда как Сартр отождествляет человека с его материальным, предметным праксисом.

Если для Маркса предметный мир выступает как действительность сущностных сил человека, как утверждение и осуществление его индивидуальности, то для Сартра он есть нечто Другое, чем человек. В самом факте опредмечивания праксиса Сартр видит источник отчуждения.

---

⁹ Sartre J. -P. Critique de la raison dialectique. T. 1. Théorie des ensembles pratiques. Paris, 1960. P. 285.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 628.

Эволюция сартровского понимания свободы выражается в том, что от свободы в сфере *cogito* он переходит к свободе в области практической деятельности, от игнорирования социальной и материальной обусловленности свободы – к признанию ее, от идеи «отрицательной свободы» – к положительной творческой свободе.

Теперь мы обратимся к пониманию морали Сартром и Камю. Дело в том, что свобода связана непосредственно с моральными нормами и принципами. Абсолютный волюнтаризм, вытекающий из тезиса абсурдности мира, Сартр и Камю пытаются ограничить требованием справедливости и ответственности за свободу. Такое требование, разумеется, правомерно. Почему? Потому, что человек в любой ситуации, выбирая то или иное решение, должен нести ответственность за это решение. Если, допустим, он выбрал путь преступника, то должен нести ответственность за свои преступные действия. И ему ни на кого не надо сваливать свою вину.

На пути от абсурда и нигилизма к бунту А. Камю, стремясь преодолеть реальные трудности и противоречия, встречающиеся в социальной действительности, пытается утвердить новые универсальные ценности. Но Камю не удалось утвердить такого рода ценности, потому что из абсурда он делает вывод о вседозволенности, а это неизбежно приводит к отрицанию всеобщих нравственных норм и правил. Единственной ценностью становится ясность видения и полнота переживания. Камю в «Мифе о Сизифе» предлагает миф об утверждении самого себя. Это значит, что человек с максимальной ясностью ума, с пониманием выпавшего удела должен нести бремя жизни, не смиряясь с ним. Самоотдача и полнота существования, с точки зрения Камю, важнее всех ценностей.

В более поздних работах Камю корректирует свою позицию. В философствование он включает другую, более гуманистическую посылку. «Я продолжаю думать, – пишет он, – что в этом мире нет высшего смысла. Но я знаю, что кое-что в нем все-таки имеет смысл, и это- человек, поскольку он один смысл разыскивает. В этом мире есть по

крайней мере одна правда – правда человека, и наше предназначение – укрепить его осмысленную решимость жить вопреки судьбе. Человек, и только он один, – вот весь смысл и все оправдание, его-то и надо спасти, если хотят спасти определенные воззрения на жизнь. Вы усмехаетесь презрительно: дескать, что это значит – спасти человека? Но я прокричу вам изо всей мочи: это значит не калечить его, это значит делать ставку на справедливость... »¹¹

Камю пишет, что современный человек оказался перед лицом тотальных идеологий, оправдывающих бесчеловечное отношение к человеку. Сегодня подлинную угрозу представляют не преступники-одиночки, а государственные чиновники, хладнокровно отправляющие на смерть тысячи людей, оправдывающие массовые убийства интересами нации, государственной безопасности и т. д. Поэтому сегодня особенно важно отнять право морального суда у политических институтов и в первую очередь у государства. Человек должен обладать свободой, и никто не имеет права посягать на эту свободу. Если власть или идеология берут на себя ответственность за поведение человека и монополизируют право решать, что есть добро, истина, красота, свобода, то они на это не имеют права. Человек остается человеком до тех пор, пока он свободен, судит обо всем свободно и свободно принимает решения.

Но Сартр и Камю утверждают, что свобода не освобождает человека от ответственности. Человек несет ответственность за свои действия и поступки. Но это не юридическая, а моральная ответственность. Она особенно значима у людей доброй воли, осознающих жизненные трудности и настаивающих на своей готовности к их преодолению. Она проявляется в солидарности и сотрудничестве людей, в борьбе за мир, за возрождение достоинства, свободы и независимости человека.

Сартр подчеркивает, что, беря на себя ответственность, человек не может рассчитывать на ценности, установленные предварительно даже самим собой, никогда не бывает

---

¹¹ Камю А. Письма к немецкому другу//Избранное. М., 1996. С. 364.

абсолютно уверен в правильности своих поступков. Но тем не менее, человек осуществляет выбор. Но «...выбирая себя, мы выбираем всех людей. Действительно, нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть. Выбрать себя так или иначе означает одновременно утверждать ценность того, что мы выбираем, так как мы ни в коем случае не можем выбирать зло. То, что мы выбираем, – всегда благо. Но ничто не может быть благом для нас, не являясь благом для всех»¹². Если выбор касается всех, то и ответственность касается всех. «Наша ответственность гораздо больше, чем мы могли предполагать, так как распространяется на все человечество»¹³.

Сартр и Камю не были кабинетными философами. Они находились в гуще событий, изучали жизнь со всеми ее противоречиями и трудностями, брали из нее, так сказать, примеры. Так, они считали, что свобода – дело угнетенных, и поэтому ее традиционными защитниками всегда были выходцы из народа. В феодальной Европе различные общины боролись за свободу, во время Великой французской революции знамя свободы поднимало Третье сословие, в XIX веке за свободу боролись рабочие. Вот что пишет А. Камю: «Труженики-интеллигенты и рабочие – сделали свободу реальностью и дали ей силу идти вперед, пока она не стала самым принципом мышления, воздухом, без которого мы не можем обойтись, которым мы дышим, сами того не замечая, до той минуты, когда, внезапно лишившись его, мы чувствуем, что умираем»¹⁴. Они утверждали, что в современном мире отсутствует действительная свобода, ибо простые люди не могут проявить себя, не могут удовлетворить свои потребности, хотя жизненный уровень в развитых странах вырос. Они критиковали буржуазную свободу, считали ее псевдосвободой. По их глубокому убеждению, подлинную свободу еще предстоит завоевать.

---

¹² Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм. М., 1990. С. 324.

¹³ Там же.

¹⁴ Камю А. Творчество и свобода. М., 1990. С. 132–133.

Не существует «идеальной свободы, которую мы могли бы без усилий получить в один прекрасный день, как пенсию в старости»¹⁵.

В связи с анализом свободы и ответственности нельзя еще остановиться на проблеме тревоги. Дело в том, что Сартр данной проблеме придает большое значение. Он считает, что тревога является значительным феноменом в жизни людей в прошлом и настоящем. Человек не может волноваться за свою свободу, так как она постоянно подвергается внешнему давлению. Тревога, утверждает Сартр, есть созерцательное постижение свободы. «Свобода, – пишет он, – часто лишает сна ее обладателей, они ухватываются за идею детерминизма, надеясь найти в ней покой, уйти от этой тревоги, которая почти неотделима от свободы. Но убежать от тревоги, покончить с ней невозможно, потому что мы – тревога»¹⁶. Тревога – это не страх и не волнение. Это истина, которую несет само бытие. Ощущение безграничной свободы, наличия многих возможностей, из которых мы можем выбирать, при отсутствии всякой поддержки и ориентира, вызывает в человеке тревогу.

Тревога, по мнению Сартра, связана с принятием решений. Всякое решение – это решение против чего-то в той мере, в какой оно является решением в пользу чего-то. Оно ставит человека лицом к лицу с самим собой таким образом, что это не может не вызвать тревоги. Поэтому большинство людей не испытывает особого желания принимать решения.

Сартр не сомневается в том, что человек заброшен в этот неудобный мир, ему не на кого надеяться, он может положиться только на самого себя. Он руководствуется не какими-то предписаниями, а реальными жизненными ориентирами, располагая ими по своему усмотрению. Никакие наставления свыше, божественного или земного происхождения, никакая всеобщая мораль не подскажут, что нужно делать и как поступать. В мире нет категорических импера-

---

¹⁵ Камю А. Творчество и свобода. М., 1990. С. 135.

¹⁶ Сартр Ж. П. Тошнота. М., 1998. С. 219.

тивов и знамений. А это означает, что человек заброшен. Правда, эта заброшенность не фатальна. Человек может вырваться из нее, полагаясь на самого себя, в порыве к свободе. Сартр открывает перед человеком перспективу прорыва в будущее, не соблазняет его прогрессом, но вселяет веру в улучшение своих жизненных условий.

Весьма актуально звучит призыв Камю и Сартра о том, что каждый человек должен формировать свою индивидуальность и придавать смысл своей жизни. Французские мыслители особое внимание обращают на субъективный мир человека, на проблемы индивидуального бытия личности. И с этим нельзя не согласиться. Человек – единственное существо, имеющее субъективный мир, и он становится подлинным человеком тогда, когда обогащает этот субъективный мир. Но для этого человек должен обладать свободой и вместе с тем чувствовать свою ответственность перед остальными. Поэтому поставленные Сартром и Камю вопросы свободы, ответственности и выбора всегда будут актуальны, пока существует человечество, пока люди, трудясь изо дня в день, создают материальные и духовные ценности, пока они задаются вопросом о смысле жизни.